

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСТВА

люди искусства

Несколько лет назад мне довелось ездить вместе с Григорием Михайловичем Козинцевым и актрисой Эльзой Радзинь по польским городам. Показывали «Гамлета». Успех был огромный. На одном отрезке нашего пути с нами в машине оказалась молодая женщина-критик. Никогда не забуду ее удивления и восхищения при виде Козинцева. Она ежеминутно восклицала: «Неужели это вы? Мы вас в институте в Лодзи проходили. Теперь я сама о вас лекции читаю! И вдруг вы! Скажите, ведь вы классик? У нас столько о вашем творчестве написано, столько защищено дипломов и диссертаций. И вдруг вы — такой молодой, что я глазам своим не верю...».

Григорий Михайлович Козинцев не может пожаловаться на невнимание прессы к его творчеству. Назову хотя бы некоторые из книг, посвященных анализу поставленных Козинцевым фильмов: «Козинцев и Трауберг. Творческий путь» (автор И. Вайсфельд), «Козинцев и Трауберг» («Искусство и жизнь», 1939 г., № 3, автор Н. Коварский), «Козинцев и Трауберг» (автор Е. Добин), «Гамлет» — фильм Козинцева» (автор Е. Добин)... Статей напечатано, наверное, несколько десятков, коротких и длинных, хороших и плохих, справедливых и несправедливых. Статьи в различных советских изданиях, в сборниках, в томах «Истории кино»... К этому списку можно добавить статьи и исследования, вышедшие за рубежом — в Англии, Польше, Франции. Но, по моему мнению, все же лучшие работы о режиссере Козинцеве написаны самим

сложным, двойным заданием: рекламировать изделия Внешторга и разоблачать международный империализм! «Мишка против Юденича», где впервые на экране в качестве актера появился Сергей Герасимов. «Чертова колесо», «Шинель», обруганные целым хором критиков...

стигшие режиссера с фильмами «Простые люди», «Пирогов», «Белинский».

Постановке фильма «Гамлет» предшествовала работа над трагедиями Шекспира в театре. Еще до войны в Большом драматическом театре имени Горького Козинцев поставил «Короля Лира», потом последовал «Отелло». Но прежде чем создать «Гамлета» в кино (все это прекрасно описано в книге «Наш современник Вильям Шекспир»), Козинцев ставит «Дон Кихота» по сценарию Евгения Шварца. С темой, совершенно не случайной для творчества Козинцева, — человек и время. Николай Константинович Черкасов в своих записках «Четыре Дон Кихота» писал о труднейшей задаче, которую поставил перед ним Козинцев: сочетать психологизм и гротеск, реализм и эксцентрику. Сделать героя Сервантеса «героем на все времена» и одновременно «сыном своего времени».

Я была в Кане, когда там показывали на международном фестивале «Дон Кихота», была свидетельницей большого успеха фильма, читала рецензии в газетах. Запомнился восторженный отзыв о фильме одного испанского критика, который удивлялся: до чего же похожи пейзажи, снятые в фильме, на подлинную природу Испании. «Обращение Козинцева к колоссальным «мировым образам» — к Гамлету и Дон Кихоту было глубоко закономерным, — писал в своей умной и талантливой книге «Гамлет» — фильм Козинцева» критик Ефим Добин... — В фильме Козинцева бедный гидальго из Ламанчи поднялся выше ветряных мельниц, кафедральных соборов, феодальных замков. Выше своего времени».

Намного выше своей эпохи поднялся и козинцевский «Гамлет». Потом появился «Король Лир» с его темой об ответственности человека за свои поступки. О трагической вине человека, не сумевшего отличить жестокость под лисьей маской от подлинной и деятельной доброты. «Король Лир» в исполнении Ю. Ярвета, так же, как и Гамлет И. Смоктуновского, — это еще один наш аргумент в остром идейном споре, который идет на экранах мира, в споре о человеке и человечности. В споре, в котором фильмы, книги, речи Козинцева всегда занимают боевую, марксистскую позицию.

В промежутках между съемками фильмов Григорий Михайлович живет под Ленинградом в Комарове. Он любит маленький домик в лесу, любит зимой финские санки, любит покой и тишину, когда можно уйти от суеты и обдумывать замысел нового фильма или книги. Именно здесь, в Комарове, были написаны книги, заключающие в себе глубину мысли, живые наблюдения, богатейший опыт, серьезность, юмор и присущее стилю Козинцева изящество.

Людмила ПОГОЖЕВА

Козинцевым: «Десять лет с Гамлетом», «Наш современник Вильям Шекспир», «Пространство трагедии», «Глубокий экран».

Со страниц этих книг встает удивительно интересный рассказчик, который в только ему присущей манере образно и весело говорит о вещах серьезных, о развитии, движении искусства, о роли художника, о появлении молодого искусства кино, рожденного революцией, которая тоже была делом молодых рук. Читаешь страницы за страницами книги, написанные Козинцевым, и как бы делаешься очевидцем и даже соучастником разных времен и событий.

Теперь передо мной лежит книга «Глубокий экран». Я читала ее не один раз, так как по главам она печаталась в журнале «Искусство кино». Прошло уже немало лет, и вот вновь читаю «Глубокий экран», и вновь минувшее встает передо мной, возникают ушедшие времена, события, люди! Эта книга написана не для того, чтобы пылиться на полке...

Киев в огне гражданской войны! Театр замечательного режиссера Марджанова. Знакомство Козинцева с юным Сергеем Юткевичем. Подростки, начавшие свой творческий путь театральными художниками, сразу стали друзьями. Они пронесли свою дружбу через годы. Сохранили общие привязанности к кумирам в искусстве 20-х годов — Маяковскому, Марджанову, Мейерхольду...

Книга «Глубокий экран» не мемуары, не автобиография, не исповедь. Но в ней в своеобразном ракурсе творчески раскрывается перед читателем история страны, первой в мире осуществившей революцию и приступившей к строительству новой жизни. С горячностью молодости, с веселым азартом Козинцев, Трауберг, Юткевич под дерзким девизом решили создавать совершенно новое, революционное искусство! Все это прекрасно описано в книге «Глубокий экран». Немало не скрывая «болезней» роста, Козинцев с понятной нежностью и веселой грустью рассказывает о своем появлении в Ленинграде, о мастерской ФЕКС, о том, как пришли туда Сергей Герасимов, Леонид Трауберг и другие...

Первый экранный опус — «Похождения Октябрины», комедия в трех актах, со

Таким было начало.

Шли годы, менялось время, оно предъявляло все более строгие и глубокие требования к кино. Изменялся характер кинематографа, и не только потому, что стал он звуковым, а потом цветным, широкоэкранным, но и потому, что ему, еще «великому немому», оказалось под силу поднять грандиозные по значению темы, показать самую душу революции, трудность строительства нового мира, раскрыть психологию нового советского человека.

В книге «Глубокий экран» множество отлично написанных портретов друзей и соратников Козинцева по работе. В первую очередь ленинградцев. Оператор Андрей Москвин, художник Евгений Еней, Дмитрий Шостакович, Юрий Тынянов, Адриан Пиотровский, Елена Кузьмина, Сергей Герасимов, Леонид Трауберг... Французы: Анри Ланглуа, Жорж Садюль, Рене Клер, Жорж Сименон...

Книга «Глубокий экран» густо населена людьми, с которыми интересно знакомиться. Одной фразой, как бы вскользь сделанным штрихом, Козинцев освещает портрет того или иного человека, «высвечивая» главное, неповторимое...

Отдельная глава книги посвящена Сергею Эйзенштейну. Отдельная — Александру Довженко.

Даже если бы Козинцев и Трауберг поставили одну лишь Трилогию о Максиме, они заслужили бы право именоваться классиками. Это вдохновенная картина, сработанная надолго. «Суть фильма, — пишет Козинцев, — заключалась в том, что такой парень (как Максим) неминуемо должен был стать революционером. Он был наделен лучшими чертами питерского рабочего, умом и юмором, прирожденным чувством справедливости, верностью товарищам, душевностью и решительностью, смелостью и терпением...».

На одном из международных симпозиумов, проходившем не так давно в Москве, молодой японский режиссер, восторженно рассказывая об огромном впечатлении, которое произвела на него Трилогия о Максиме, бросил упрек нынешним молодым советским режиссерам: почему они теперь не делают таких картин? В самом деле, почему?

Вскользь описаны Козинцевым первые послевоенные годы в кино. Неудачи, по-